

Эта книга так же волшебна,
как живопись Хоппера или фильм Капры.

Марк Леви

Митч Элбом

роман

пятеро, что ждут
тебя на небесах

Азбука-бестселлер

Митч Элбом

Пятеро, что ждут тебя на небесах

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Элбом М.

Пятеро, что ждут тебя на небесах / М. Элбом — «Азбука-Аттикус», 2003 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-17648-5

Митч Элбом (р. 1958) – известный американский писатель, журналист, сценарист, драматург, радио- и телеведущий и музыкант, чьи книги проданы тиражом более 39 миллионов экземпляров по всему миру. «Пятеро, что ждут тебя на небесах» (2003) – дебютный роман Элбома, 95 недель продержавшийся в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс», переведенный на 35 языков и ставший в 2004 г. основой одноименного телефильма, – повествует о старике Эдди, технике-смотрителе парка развлечений, ценой своей жизни спасшем девочку во время поломки одного из аттракционов. Оказавшись за последней чертой, Эдди встречает души пятерых людей, знакомых и незнакомых: одни оставили заметный след в его судьбе, в судьбах других оставил след он сам. С каждой из этих встреч перед героем открываются новые, неожиданные смыслы его долгой (и, как ему раньше казалось, заурядной, пресной и никчемной) земной жизни, о которых он и не подозревал в однообразной суете будней...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17648-5

© Элбом М., 2003

© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Конец	6
В пути	15
Прибытие	17
Первый человек, которого Эдди встретил на небесах	20
Первый урок	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Митч Элбом

Пятеро, что ждут тебя на небесах

Mitch Albom
THE FIVE PEOPLE YOU MEET IN HEAVEN
Copyright © 2003 by ASOP, Inc.
All rights reserved

© Е. Р. Золот-Гасско, перевод, 2005
© Издание на русском язык.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

У каждого человека, как и у каждой религии, есть свои представления о небесах, и все они достойны уважения. История, описанная в этой книге, скорее догадка или своего рода попытка моего дяди и людей, подобных ему – тех, кто при жизни считают себя совершенно незначительными, – в конце концов понять смысл жизни на земле и поверить в то, что они были любимы.
Митч Элбом

...каждый из нас влияет на того, кто рядом, а тот в свою очередь на того, кто рядом с ним. Весь мир полон историй, и все они переплетены в одну, единственную.
Митч Элбом

Митч Элбом продал так много книг, что трое из пяти, ожидающих тебя на небесах, будут держать под крылом их экземпляры.
Рон Чарльз. The Washington Post

Пять встреч, пять несхожих между собой удивительных правд, постепенно открывающих Эдди одну из главных жизненных истин: нет человека, который был бы как остров...
Knihovnice

Просто рассказанная, сентиментальная и глубоко искренняя, эта современная притча будет высоко оценена широким кругом читателей.
Publishers Weekly

* * *

У каждого человека, как и у каждой религии, есть свои представления о небесах, и все они достойны уважения. История, описанная в этой книге, скорее догадка или своего рода попытка моего дяди и людей, подобных ему – тех, кто при жизни считают себя совершенно незначительными, – в конце концов понять смысл жизни на земле и поверить в то, что они были любимы.

Конец

Это история о человеке по имени Эдди, и начинается она с конца, с того, как Эдди умирает в лучах солнечного света. Может показаться странным начинать историю с конца. Но ведь любой конец одновременно и начало. Мы просто сразу об этом не догадываемся.

Последний час своей жизни Эдди провел, как и многие другие часы, на «Пирсе Руби», в парке развлечений на берегу огромного серого океана. В этом парке посетителей ожидали променады вдоль берега океана, «чертово колесо», «американские горки», автодром, кондитерский киоск и павильон, где можно было пострелять из водяного пистолета в рот клоуну. А еще там был большой новый аттракцион под названием «Свободный полет Фреда», тот самый, где суждено было погибнуть Эдди – несчастный случай, о котором написали все газеты штата.

Ко времени своей смерти Эдди был седым приземистым стариком с короткой шеей, широкой грудью, массивными руками и поблекшей армейской татуировкой на правом плече. Ноги у него были худые, с вздутыми венами, а раненное в войну левое колено поражено артритом. Передвигался он, опираясь на палку. Широкое, опаленное солнцем лицо обрамляла серебристо-пепельная щетина, а слегка выпирающий подбородок придавал виду Эдди совершенно несвойственную ему надменность. За левым ухом у него торчала сигарета, а на ремне болталась связка ключей. Он носил ботинки на резиновой подошве и старую льняную кепку. По светло-коричневой форме его можно было принять за рабочего. Так вот, Эдди и был рабочим.

В обязанности Эдди входило техническое обслуживание аттракционов – он должен был следить за их исправностью. Каждое утро он обходил парк, проверяя все аттракционы – от «вихревых качелей» до «ныряльной трубы». Выискивал сломанные планки, незатянутые болты, проржавевшую сталь. Порой он останавливался, пристально к чему-то присматриваясь, и проходившие мимо думали, что он нашел неполадку. Но он просто прислушивался, и больше ничего. После стольких лет работы Эдди говорил, что научился *слышать* неполадки в фыркание, заикании и треньканье механизмов.

За пятьдесят минут до конца своей жизни Эдди в последний раз обходил «Пирс Руби». Он обогнал пожилую пару.

– Здравсте, – пробормотал Эдди, дотронувшись до козырька.

Старики вежливо кивнули. Посетители знали Эдди. По крайней мере, завсегдатаи. Они привыкли видеть его в этом парке каждое лето. У него на груди, на рабочей рубашке, красовалась нашивка с надписью «Эдди» и чуть ниже «Техобслуживание», так что время от времени кто-нибудь обращался к нему: «Привет, Эдди-Техобслуживание». Эдди не считал это удачной шуткой.

А сегодня, так уж случилось, у Эдди был день рождения, восемьдесят третий. На прошлой неделе доктор сказал ему, что у него опоясывающий лишай. Опоясывающий лишай? Эдди понятия не имел, что это за штука. Прежде он был такой здоровый, что одной рукой мог поднять карусельную лошадь. Но это было давным-давно.

– Эдди!

– Возьми меня, Эдди!

– Возьми меня!

Сорок минут до смерти. Эдди проталкивался к началу очереди на «американские горки». Он проверял каждый аттракцион по крайней мере раз в неделю, чтобы убедиться, что тормоза

и прочие механизмы в порядке. Сегодня очередь «американских горок» – эту прозвали «Горка-привидение», – и дети, знавшие Эдди, просили его посадить их с собой в кабинку.

Дети любили Эдди. Дети, но не подростки. От подростков хорошего не жди. На своем веку Эдди каких только не повидал подростков, бездельников и грубиянов. Но дети – совсем другое дело. Они смотрели на Эдди с его дельфиньим подбородком, из-за которого казалось, что он все время усмехается, и доверяли ему. Они тянулись к нему, как озябшие руки к огню. Они цеплялись за его ноги. Играли его ключами. А Эдди в ответ только похмыкивал. Ему казалось, именно потому, что он молчаливый, дети его и любили.

На этот раз Эдди выбрал двух мальчишек в бейсбольных кепках, натянутых задом наперед. Они стремглав кинулись к кабинке и плюхнулись на сиденье. Эдди отдал свою палку дежурному по аттракциону и медленно уселся между мальчуганами.

– Поехали... Поехали! – завопил один из ребят, в то время как другой потянул Эдди за руку и обвил ею свое плечо. Эдди опустил на колени защитную планку, и – бам-бам-бам! – они устремились ввысь.

Об этом случае с Эдди знали многие. Еще когда был мальчишкой и рос возле этого самого пирса, он как-то раз ввязался в уличную драку. Пятеро ребят с Питкин-авеню окружили его брата Джо, чтобы задать трепку. Эдди в это время сидел на крыльце на соседней улице и ел бутерброд. И тут он услышал вопль своего брата. Он кинулся со всех ног на соседнюю улицу и там, поработав крышкой от мусорного бака, отправил двух драчунов в больницу.

После этого случая Джо не разговаривал с Эдди два месяца. Ему было стыдно: он был старший в семье, а дрался за него Эдди.

– Можно еще разок, Эдди? Пожалуйста!

Эдди оставалось жить тридцать четыре минуты. Он поднял защитную планку, дал мальчишкам по леденцу, забрал свою палку и заковылял к мастерской техобслуживания передохнуть от палящего зноя. Если б он только знал о неотвратимо надвигающейся смерти, он бы выбрал совсем другой маршрут. Тем не менее Эдди сделал то, что делаем мы все. Он снова впрягся в скучные повседневные дела, словно впереди у него была целая вечность.

Молодой долговязый скуластый парень по имени Домингес, рабочий мастерской, возился возле бака с растворителем – счищал с колеса смазку.

– Это ты, Эдди? – бросил он.

– Угу, – ответил Эдди.

В мастерской пахло стружкой. В ней было темно и тесно из-за низкого потолка и стен, увешанных дрелями, пилами и молотками. Повсюду лежали «части тела» аттракционов: компрессоры, моторы, ремни, лампы, «головы пиратов». Вдоль одной из стен высились штабеля банок из-под кофе, набитых гвоздями и шурупами, а вдоль другой стояли нескончаемые бочонки с колесной смазкой.

Смазка механизмов, по словам Эдди, требовала не больше ума, чем мытье посуды, разница лишь в том, что после смазки все становится не чище, а грязнее. Такой работой Эдди и занимался: смазывал механизмы, чинил тормоза, затягивал болты, проверял электрические панели. Сколько раз мечтал он уйти из парка, найти новую работу и начать совсем иную жизнь! Но грянула война. И планы его рухнули. Со временем Эдди уже представлял себя не иначе как сидящим человеком в мешковатых штанах, устало смирившимся с тем, что такой уж он и есть и таким останется навсегда: человеком в вечно забитых песком сандалиях, живущим в мире механического смеха и жареных сосисок. Точь-в-точь как прежде его отец. И как гласила нашивка у него на груди, Эдди был Техобслуживанием – начальником техобслуживания, – или, как порой называли его дети, Аттракционщиком с «Пирса Руби».

Тридцать минут до смерти.

– Эй, с днем рождения! – сказал Домингес.

Эдди только хмыкнул в ответ.

– Справлять-то будешь, или как?

Эдди посмотрел на него как на сумасшедшего. Ему почему-то вдруг пришла в голову мысль: до чего странно стареть в парке, пропахшем сахарной ватой.

– Эдди, ты помнишь, у меня на будущей неделе выходные с понедельника? Едем в Мексику.

Эдди кивнул, а Домингес стал пританцовывать на месте.

– Едем вместе с Терезой. Повидаем всю семью. Повес-с-селимся!

И тут он заметил, что Эдди уставился на него в изумлении.

– Был когда-нибудь? – спросил Домингес.

– Где?

– В Мексике.

Эдди грустно вздохнул:

– Я, парень, вообще-то был лишь в краях, куда меня с винтовкой посылали.

Эдди проводил взглядом Домингеса, который возвращался к баку с растворителем. На минуту он задумался, а потом достал из кармана небольшую пачку денег и вытащил из нее двадцатидолларовые бумажки – у него их было всего две – и протянул Домингесу.

– Купи своей жене что-нибудь красивое, – сказал Эдди.

Домингес с удивлением посмотрел на деньги и широко улыбнулся:

– Да брось ты, Эдди. Ты что это, взаправду?

Эдди сунул бумажки ему в руку и медленно побрел к складу.

Еще давным-давно в досках на променаде кто-то вырезал «рыбную щель», и теперь Эдди приподнял пластмассовый стаканчик и протянул леску, опущенную в океан на восемьдесят футов. На крючке все еще болтался кусок вареной колбасы.

– Ну, поймали мы чего-нибудь? – закричал Домингес. – Скажи, что поймали!

«И откуда у него этот оптимизм? – удивился Эдди. – Ведь ни разу на эту леску ни черта не поймалось».

– Когда-нибудь, – заорал Домингес, – мы обязательно поймаем палтуса!

– Угу, – пробормотал Эдди, хотя точно знал, что через такую маленькую дыру такую большую рыбину ни за что не вытянуть.

Двадцать шесть минут до конца жизни. Эдди поплелся по променаду к южному его концу. Бизнес сегодня шел ни шатко ни валко. Девица, что торговала в конфетном киоске, облокотилась на прилавок и жевала резинку, выдувая прозрачные пузыри.

Когда-то каждое лето «Пирс Руби» становился *особенным* местом. Тут были слоны, фейерверки, танцевальные марафоны. Но теперь люди не очень-то стремятся на пирсы – их больше влечет в тематические парки, где платят семьдесят пять долларов за вход и есть возможность сфотографироваться с гигантским лохматым персонажем мультфильма.

Эдди проковылял мимо автодрома, и тут взгляд его упал на группу подростков, перегнувшихся через ограждение. «Ну и дела, – подумал он. – Только этого мне и не хватало!»

– А ну-ка прочь! – Эдди постучал палкой по ограде. – Вы что! Это же опасно!

Подростки пристально, с неприязнью посмотрели на Эдди. Автомобили с треском и шипением унеслись прочь.

– Это опасно, – повторил Эдди.

Подростки переглянулись. Один из них, с ярко-оранжевой прядьей, нагло ухмыльнулся Эдди в лицо, перевалился через ограду и наступил на средний рельс.

– Ну давайте, чуваки, давите меня! – закричал он, махая рукой водителям автомобилей. – Давайте давите ме...

Эдди с такой силой ударил по рельсам, что его палка едва не разломилась пополам.
– МАРШ ОТСЮДА!
И подростков как ветром сдуло.

Об Эдди рассказывали еще одну историю. Солдатом он не раз бывал в бою. И сражался храбро. Даже был награжден медалью. Но в конце службы он ввязался в драку с одним из своих. И его ранило. Никто не знал, что случилось с тем, другим.

И никто Эдди об этом никогда не спрашивал.

Эдди оставалось прожить девятнадцать минут, когда он в последний раз уселся в старое алюминиевое пляжное кресло, скрестив на груди мускулистые, похожие на тюленьи ласты руки. От палящего солнца кожа у него на ногах покраснела, а на левом колене ярче проступили шрамы. По правде говоря, все его тело носило следы травм. Из-за бесчисленных переломов при починке машин пальцы его стали крючковатыми. Нос не раз был сломан во время – как выражался Эдди – «салунных драк». Его лицо, с широкой челюстью, когда-то, наверное, было привлекательным, как лицо чемпиона по боксу до того, как его неоднократно лупили.

Теперь же Эдди выглядел просто усталым. Он сидел на своем привычном месте, на променаде «Пирса Руби», позади «американской горки» «Кролик», на месте которой в восьмидесятых была другая горка под названием «Гром», в семидесятых – та, что называлась «Стальной угорь», в шестидесятых стоял аттракцион «Леденцовые качели», в пятидесятых – «Смех во тьме», а до этого – летняя эстрада под названием «Звездная пыль».

Именно здесь, на этой эстраде, Эдди и встретил Маргарет.

В каждой жизни есть хотя бы один эпизод, который остается в памяти, как моментальный снимок истинной любви. У Эдди он пришелся на теплый сентябрьский вечер сразу после грозы, когда променады были еще влажными от дождя. На Маргарет было желтое платье из хлопка, а в волосах розовая заколка. Эдди почти и не поговорил с Маргарет. Он до того волновался, что язык его прилип к гортани. Они танцевали под музыку большой джазовой группы Длинноногого Делани «Эверглейдс». Эдди купил Маргарет шипучий лимонный напиток. Она сказала, что ей пора домой, пока родители не рассердились. Но, уходя, она обернулась и помахала ему рукой.

Это и был тот самый моментальный снимок. До конца жизни, когда бы Эдди ни думал о Маргарет, он вспоминал тот миг: она, вполупоборот к нему, с ниспадающими на лицо волосами, машет ему рукой. И всякий раз при этом все нутро его словно взрывалось от любви.

В ту ночь, вернувшись домой, он разбудил старшего брата. И сказал ему, что встретил девушку, на которой женится.

– Ложись-ка ты спать, Эдди, – простонал брат.

Ших-ших-ших... На берег накатила волна. Эдди закашлялся и почувствовал, как во рту скопилось какая-то мерзость, на которую и смотреть не хотелось. Он сплюнул на берег.

Ших-ших-ших... Прежде он часто думал о Маргарет. В последнее время реже. Она стала как рана под старой повязкой, и к этой повязке он привыкал все больше и больше.

Ших-ших-ших...

Что такое опоясывающий лишай?

Ших-ших-ших...

Жить ему оставалось шестнадцать минут.

Нет таких историй, чтоб были сами по себе. Порой одна история перетекает в другую, а порой одна перекрывает другую, словно камни на дне реки.

Конец истории Эдди связан с другим, казалось бы, невинным случаем, произошедшим за несколько месяцев до этого, когда облачным вечером молодой парень с тремя приятелями пришел на «Пирс Руби».

Этот парень по имени Никки только что начал водить машину и еще не привык носить с собой связку ключей. Так вот, он снял ключ от машины со связки, положил в карман куртки, а куртку завязал у себя на поясе.

Следующие несколько часов Никки и его друзья катались на всех скоростных аттракционах: «Парящий сокол», «Всплеск», «Свободный полет Фреда» и «Призрак».

– Руки вверх! – орал один из них.

И все они поднимали руки.

Позднее, когда стемнело, они вернулись на автостоянку. Усталые, но веселые, потягивали пиво из банок, спрятанных для маскировки в бумажные пакеты. Никки сунул руку в карман куртки. Пошарил в поисках ключа. И выругался.

Ключ исчез.

Четырнадцать минут до смерти. Эдди вытер лоб платком. Солнечные бриллианты резвились в танце на водной глади океана, и Эдди не отрываясь следил за их изящным проворством. Он-то после войны уже не мог двигаться как прежде.

Хотя во времена, когда Эдди танцевал с Маргарет на летней эстраде «Звездная пыль», он был еще хоть куда. Эдди закрыл глаза, и память его вызволила из прошлого ту самую песню, что тогда свела его и Маргарет, ту самую, что пела в кино Джуди Гарланд. Песня перемежалась теперь шумом бьющихся о берег волн и воплями детей на аттракционах.

«Ты вынудил меня тебя любить...»

Ших-ших-ших...

«...не хотела. А я так не хоте...»

Ших-ших...

«...тебя любить...»

И-и-и-и-и!

«...знал об этом, и ты ведь...»

У-у-у-у-у!

«...знал об этом...»

Эдди почувствовал ее руку у себя на плече. Он зажмурился, чтобы воспоминания приблизились хотя бы еще чуть-чуть.

Ему оставалось жить двенадцать минут.

– Проститя.

Девочка лет восьми стояла прямо перед ним, загораживая солнце. У нее были льняные кудряшки, на ногах – сандалии без задников, одета она была в джинсовые шорты с бахромой и ярко-зеленую футболку с утенком на груди. Эми, подумал Эдди, ее зовут Эми. А может, Энни. Этим летом он без конца встречал ее в парке, хотя ни разу не видел ни ее отца, ни матери.

– Проститя, – повторила девочка. – Вы Эдди-Техаслуживаня?

Эдди вздохнул:

– Просто Эдди.

– Эдди?

– Ну?

– А вы можете сделать мне... – И она сложила ладошки в мольбе.

– Давай, малышка, выкладывай. Я не могу торчать тут весь день.

– Можете сделать мне зверя? *Можете?*

Эдди устремил взгляд в небеса, точно ему требовалось серьезно обдумать ответ. И тут же полез в карман рубашки и вытащил из него три желтых ершика, которые он носил с собой для чистки курительных трубок.

– Ура!!! – завопила девчонка и захлопала в ладоши.

Эдди начал скручивать ершики.

– А где твои родители?

– На аттракционах.

– Без тебя?

Девочка пожала плечами:

– Мама со своим ухажером.

Эдди понимающе кивнул.

Он согнул ершики, сделав петельки, а потом обвил вокруг других петелек. Руки его теперь тряслись, так что на это уходило больше времени, чем прежде, но вскоре ершики превратились в головку, уши, тельце и хвостик.

– Зайчик? – спросила девочка.

Эдди молча подмигнул ей.

– Спа-си-и-и-бо!

Девчонка молниеносно упорхнула – только ее и видели. Эдди снова вытер пот со лба, грузно опустился в пляжное кресло, закрыл глаза и мысленно попытался вернуть старую песню.

У него над головой с гортанным криком пролетела чайка.

Как решить, какими будут наши последние слова? Понимаем ли мы их значимость?

Суждено ли им быть мудрыми?

К своим восьмидесяти трем годам Эдди потерял почти всех, кого любил. Одни умерли молодыми, другим удалось дожить до старости, но и их уже унесла болезнь или несчастный случай. На похоронах Эдди слышал, как скорбевшие вспоминали свои последние беседы с умершими. «Как будто он знал, что вот-вот умрет...» – говорили они порой.

Эдди никогда этому не верил. По его наблюдениям, если твое время пришло, оно пришло, и ничего тут не поделаешь. Отправляясь на тот свет, ты, конечно, можешь сказать что-то умное, но можешь сморозить и глупость.

Кстати говоря, последними словами Эдди были: «Все прочь!»

А вот звуки, наполнившие последние минуты жизни Эдди на земле. Шум прибоя. Отдаленный грохот рок-н-ролла. Легкое жужжание мотора биплана, влекшего за собой привязанную к хвосту рекламу. И еще...

– БОЖЕ МОЙ! СМОТРИТЕ!

Эдди почувствовал, как кровь прилила к вискам. За эти долгие годы он научился распознавать каждый звук «Пирса Руби» и мог засыпать под эти звуки, как под колыбельную.

Но этот голос был не из колыбельной.

– БОЖЕ МОЙ! СМОТРИТЕ!

Эдди вскочил с кресла. Женщина с полными, в ямочках, руками, с хозяйственной сумкой на плече, указывала на что-то и орала. Вокруг нее уже собиралась толпа; все смотрели в небеса.

Эдди мгновенно увидел, что случилось. На самом верху аттракциона «Свободный полет Фреда» одна из кабинок накренилась, словно пытаясь избавиться от своего содержимого. Четверо пассажиров – двое мужчин и две женщины, – удерживаемые одной лишь защитной перекладиной, в ужасе хватались за что придется.

– БОЖЕ МОЙ! – вопила полная женщина. – ЭТИ ЛЮДИ! ОНИ ЖЕ СВАЛЯТСЯ!

Приемник на ремне у Эдди вдруг заверещал: «Эдди! Эдди!»

Эдди нажал на кнопку.

– Я вижу! Зови охрану!

С берега уже бежали люди, тыча пальцами в небо, будто они были на учениях и уже не раз проделывали это и прежде. *Смотрите! Смотрите вверх! Что за чертовщина там творится!* Эдди схватил свою палку и торопливо заковылял к ограждению аттракциона. На боку у него повязывала связка ключей. Сердце колотилось как бешеное.

В «Свободном полете Фреда» кабинки должны были лететь вниз на сводящей с ума скорости, а потом резко останавливаться гидравлическим потоком воздуха. Что же случилось с той кабинкой? Она накренилась всего в нескольких футах от верхней платформы, словно, начав спускаться, вдруг передумала.

Добравшись до ворот, Эдди остановился перевести дух. Домингес, бежавший к воротам со всех ног, чуть не сбил его.

– Слушай! – Эдди схватил Домингеса за плечи с такой силой, что лицо парня исказилось от боли. – Слушай! Кто сейчас там наверху?

– Вилли.

– Так. Он, наверное, нажал стоп-кран. Потому и кабинка болтается. Лезь туда по лестнице и скажи Вилли: пусть вручную освободит защитную планку, чтобы люди могли выбраться из кабинки. Понял? Кнопка на кабине сзади. Держи Вилли крепко, когда он к ней потянется. Понял? Потом... потом вы вдвоем – понял, не один из вас, а вдвоем, – вы вдвоем их достанете. Понял? *Понял?*

Домингес кивнул.

– А затем спустите кабину вниз: надо понять, что там случилось!

Голова Эдди тряслась. Хотя в его парке серьезных происшествий прежде не было, он не раз слышал жуткие истории о несчастьях в других подобных местах. Однажды в Брайтоне на подвесной гондоле ослаб болт – двое полетели вниз и разбились насмерть. В другой раз в парке «Страна чудес» кто-то решил пройтись по рельсам «американских горок», провалился по пояс, и его там заклинило. Человек вопил от ужаса, а кабинки неслись прямо на него... Да, хуже не придумаешь.

Эдди отогнал мрачные мысли прочь. Вокруг уже толпились люди, в диком страхе взиравшие на Домингеса, карабкавшегося по лестнице. Эдди принялся перебирать в уме все детали «Свободного полета Фреда». *Мотор. Цилиндры. Гидравлика. Изоляция. Кабели.* Что же случилось с кабиной? Он представил, как кабинка с четверкой движется с самого верха, вниз по шахтному стволу, к основанию. *Мотор. Цилиндры. Гидравлика. Изоляция. Кабели...*

Домингес добрался до верхней платформы. И сделал все, что велел ему Эдди: крепко держал Вилли, пока тот тянулся к спинке кабинки, чтобы освободить защитную планку. Одна из женщин в кабине ухватилась за Вилли и чуть не стянула его с платформы. Толпа ахнула.

«Не торопись», – мысленно приказал Эдди.

Вилли снова потянулся к кабине и на этот раз достал до выключателя.

– Кабель... – пробормотал Эдди.

Защитная планка поднялась. Толпа ахнула. Пассажиры тут же втащили на платформу.

– Кабель *разматывается...*

Эдди был прав. В основании аттракциона невидимый глазу кабель, что отвечал за кабину номер два, последние несколько месяцев терся о заклинивший шкив, и от этого трения оплетка стальных проводов кабеля – точно сношенная подошва – постепенно стерлась. Но никто этого не заметил. Да и как тут было заметить? Эту никем не предвиденную неполадку можно было увидеть, только забравшись внутрь механизма.

А заклинил этот шкив маленький предмет, в злосчастную минуту туда провалившийся. Ключ от машины.

– НЕ ОТПУСКАЙ КАБИНКУ! – кричал Эдди, размахивая руками. – ЭЙ! Э-Э-ЭЙ! ЭТО КАБЕЛЬ! НЕ ОТПУСКАЙ КАБИНКУ! ОНА СОРВЕТСЯ!

Но слова его потонули в реве толпы. Люди радостно вопили, видя, как Домингес и Вилли переправляют из кабинки последнего пассажира. Все четверо были целы и невредимы и обнимались на платформе.

– ЧЕРТ! ВИЛЛИ! – заорал Эдди.

Кто-то нечаянно толкнул его в живот, сбив с пояса на землю приемник. Эдди наклонился поднять его. Вилли потянулся к контрольной панели. Дотронулся пальцем до зеленой кнопки. Эдди взглянул вверх:

– НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕ СМЕЙ!

Эдди повернулся к толпе:

– ВСЕ ПРОЧЬ!

Что-то в его голосе заставило толпу умолкнуть и отодвинуться от аттракциона. Рядом с основанием «Свободного полета Фреда» образовалось нечто вроде прогалины.

И тут Эдди увидел последнее в жизни лицо.

Она лежала, распластавшись на металлическом основании аттракциона, точно кто-то сбил ее с ног, из носа текли сопли, из глаз – слезы. Девочка с ершиковым зайчиком. Эми? Энни?

– Ма... Мама... Мама... – стонала она ритмично в каком-то трансе – тельце ее оставалось недвижимым, словно парализованное плачем. – Ма... Мама... Ма... Мама...

Взгляд Эдди стрельнул от девочки к кабинам. Хватит ли времени? От девочки к кабинам...

Бам! Поздно. Кабинки уже падали. *Боже! Он отпустил тормоз!* И для Эдди все вдруг слилось словно в какой-то водный поток. Он бросил палку, оттолкнулся больной ногой и тут же, почувствовав неимоверную боль, чуть не потерял сознание. Широкий шаг. Еще один. В шахтном стволе «Свободного полета Фреда» в кабеле оборвался последний провод, и кабинка номер два теперь стремглав летела вниз, булыжником, катившимся с обрыва.

В эти последние мгновения Эдди, казалось, внимал всему миру. Он услышал отдаленные вопли, прибой, музыку, шум ветра, а потом низкий, громовой, мерзкий крик, рвущийся из самой груди – его собственный голос. Девочка протянула руки вверх. Эдди рванулся к ней. Больная нога подвернулась, и он не то проковылял, не то подлетел к девочке, приземлился на металлическую платформу, порвав об нее рубашку и разодрав кожу на груди прямо под нашивкой «Эдди. Техобслуживание». Он почувствовал в своих руках чьи-то руки, две маленькие ручки.

А потом шок.

Слепящая вспышка света.

И пустота.

Сегодня у Эдди день рождения

Двадцатые годы двадцатого столетия, битком набитая больница беднейшего района города. В комнате ожидания отец Эдди курит сигарету за сигаретой рядом с другими отцами, которые тоже беспрерывно курят. Входит медсестра с блокнотом. Выкрикивает его имя. Произносит его с ошибкой. Мужчины вокруг пускают кольца дыма. Ну?

Он поднимает руку.

– Поздравляю, – говорит медсестра.

Он идет вслед за ней по коридору в комнату с новорожденными. Звук его шагов гулко отдается в коридоре.

– Подождите здесь, – бросает медсестра.

Сквозь стекло он видит, как она проверяет номерки на деревянных кроватках. Проходит мимо одной – не его, другой – не его, третьей – не его, четвертой – опять не его.

Останавливается. Тут. Под одеяльцем крохотная головка в голубом чепчике. Медсестра сверяет что-то в своем блокноте и указывает на ребенка.

У отца перехватывает дыхание. Он кивает. На мгновение лицо его сморщивается, точно яблоко, подсушенное солнцем. Он улыбается.

Этот – его.

В пути

В свое последнее мгновение на земле Эдди не видел ничего: ни пирса, ни толпы, ни вдребезги разбитого стекла кабинки.

В рассказах о жизни после смерти, сразу после прощальной минуты, душа, как правило, воспаряет вверх и в случае автомобильной аварии парит над полицейскими машинами, или, если дело происходит в больнице, душа, точно паук, движется по потолку. Так это описывают люди, которым каким-то образом посчастливилось вернуться к жизни.

Эдди такого шанса не представилось.

Где?..

Где?..

Где?..

Бледно-тыквенное небо стало темно-бирюзовым, а потом ярко-зеленым. Эдди, с широко распростертыми руками, парил в небесах.

Где?..

Кабинка падала. Это он помнил. Маленькая девочка – Эми? Энни? – плакала. Это он помнил. Помнил, как кинулся к ней. Помнил, как врезался в платформу. Как почувствовал в своих руках ее маленькие ручонки.

А что потом?

Я спас ее?

Эдди видел все это как бы издалека, будто это случилось давным-давно. И, что было еще удивительнее, он при этом не испытывал никаких положенных в подобных обстоятельствах эмоций. Одно лишь умиротворение, словно он – младенец на руках у матери.

Где?..

Небо вокруг него снова переменяло цвет и стало сначала лимонно-желтым, потом сочно-зеленым и наконец розовым, напомнив Эдди почему-то сахарную вату.

Я спас ее?

Она жива?

Где же... моя тревога?

Куда девалась боль?

Так вот чего не хватало. Вся боль, все хвори, когда-либо его мучившие, исчезли при последнем вздохе. И никакой агонии. И никакой печали. Сознание стало туманным, струйчатым и словно не расположенным ни к чему иному, кроме полного покоя. И снова, на этот раз уже внизу, под ним, начали меняться цвета. Что-то бурлило. Вода. Океан. Он парил над огромным желтым океаном. Но вот океан стал желто-розовым. А потом сапфирным. Эдди стремглав летел вниз. Он летел с невероятной скоростью, но не чувствовал и дуновения ветра на лице. И страха тоже. Вдруг он увидел берег с золотистым песком.

Он опустился под воду.

Воцарилась полная тишина.

Где же моя тревога?

Куда девалась боль?

Сегодня у Эдди день рождения

Ему пять лет. Воскресный полдень на «Пирсе Руби». Возле променада, что тянется вдоль белопесчаного берега, стоят деревянные столы для пикника. На одном – ванильный

торт с голубыми свечами. Бутыль с апельсиновым соком. Вокруг снуют работники пирса: зазывалы, участники представлений, дрессировщики и еще несколько человек из рыболовной конторы. Отец Эдди, как обычно, играет в карты. Эдди возится у его ног. А старший брат Джо отжимается на виду у группы пожилых женщин, которые с притворным интересом наблюдают за ним и вежливо ему аплодируют.

На Эдди подарок ко дню рождения – красная ковбойская шляпа и игрушечная кобура револьвера. Он вскакивает и, перебегая от группы к группе, палит из игрушечного револьвера: «Бум-бум!»

– Топай сюда, пацан, – машет ему Микки Шей.

– Бум-бум! – отвечает Эдди.

Микки Шей работает с отцом Эдди – чинит аттракционы. Он толстый, в подтяжках и вечно распевает ирландские песни. Эдди кажется, что пахнет от него как-то странно – вроде бы микстурой от кашля.

– Топай сюда, пацан. Сделаем тебе деньрожденную встряску, – говорит Микки. – Как у нас в Ирландии.

И тут Микки своими огромными ручищами хватает Эдди под мышки, подбрасывает его и переворачивает вверх ногами. Ковбойская шляпа летит на землю, и сам он теперь болтается вниз головой.

– Микки, осторожно! – кричит мать Эдди. Отец же, едва повернув голову, усмехается и снова возвращается к своей карточной игре.

– О-хо-хо! Попался! – ликует Микки. – Ну, поехали! По одному удару на каждый год.

Микки осторожно опускает Эдди, пока голова его не касается земли.

– Один!

Микки снова приподнимает его над землей. И все вокруг, смеясь, подхватывают:

– Два!.. Три!

Вверх ногами, Эдди уже не различает людей вокруг. Голова его тяжелеет.

– Четыре! – кричат гости. – Пять!

Эдди переворачивают головой вверх и ставят на землю. Все хлопают. Эдди тянется за своей шляпой и, спотыкаясь, падает. Поднимается на ноги, шатаясь подходит к Микки и бьет его по руке.

– О-хо-хо! А это еще за что, мужичок? – спрашивает тот. Все смеются. А Эдди поворачивается и бежит прочь. Шаг, другой, и его подхватывают материнские руки.

– Ты в порядке, дорогой мой именинник? – Лицо матери почти касается лица Эдди. Он вдруг отчетливо видит ее темно-красную помаду, пухлые, мягкие щеки и волну каштановых волос.

– Я висел вверх ногами, – говорит ей Эдди.

– Я видела, – отзывается мать.

Сейчас она натянет ему на голову ковбойскую шляпу. Потом поведет вдоль пирса и, может быть, покатает на слоне или приведет к рыболовам – посмотреть, как они на закате тянут сети, а в них, похожие на мокрые, блестящие монетки, резвятся маленькие рыбки. Мать будет держать его за руку и говорить, что Бог им гордится, потому что он был таким хорошим в свой день рождения. И тогда мир снова перевернется с головы на ноги.

Прибытие

Эдди проснулся в чайной чашке.

Огромная чайная чашка из темного полированного дерева, с мягким сиденьем внутри и дверью на стальных петлях, была частью какого-то старого аттракциона. Эдди сидел на краю чашки, болтая руками и ногами. А небо по-прежнему меняло оттенки: от цвета коричневых кожаных туфель к темно-алому.

Первым его побуждением было потянуться за палкой. Последние несколько лет он всегда держал ее возле кровати: бывали дни, когда он не мог без нее подняться с постели. Эдди стыдился этого, ведь прежде он был крепким парнем и с приятелями здоровался не иначе как ударом в плечо.

Но палки рядом не оказалось, так что Эдди вздохнул и попробовал встать без ее помощи. К его удивлению, спина не болела. И в ноге не чувствовалось привычной пульсирующей боли. Эдди поднатужился, с легкостью перескочил через край чашки, неуклюже приземлился возле нее, и тут же ему пришли в голову три поразительные мысли.

Первая: он чувствовал себя превосходно.

Вторая: он был совершенно один.

Третья: он все еще был на «Пирсе Руби».

Но «Пирс Руби» выглядел теперь совсем по-иному. Кругом виднелись туристические палатки, обширные газоны, и никаких высоких строений, так что видны были даже океан и покрытый водорослями волнорез. Аттракционы были выкрашены в ярко-красный и кремовый цвета – никаких темно-бордовых и сине-зеленых, – и при каждом аттракционе своя деревянная будочка – билетная касса. Чашка же, в которой он проснулся, была частью простенького аттракциона «Вертушка». Его название, как и названия прочих аттракционов, было намалевано на фанерном щите, прибитом к складам, тянувшимся вдоль променада:

Сигары «Эль Тьемпо»! Вот это дымок!

Рыбный суп, 10 центов миска.

Прокатитесь на «Погонщике» – это сенсация века!

Эдди не мог поверить своим глазам. Перед ним был «Пирс Руби», каким он помнил его в детстве, только свежeweымытый, новенький с иголки. Невдалеке виднелся аттракцион «Петляй по петле», который снесли десятки лет назад, а рядом бани и бассейны с соленой водой, от которых не осталось и следа еще в пятидесятые. Далее, рассекая небо, высилось старое колесо обозрения, выкрашенное, как в былые времена, белой краской, а за ним – улицы старого района, крыши жмущихся друг к другу кирпичных строений с натянутыми между окнами бельевыми веревками.

Эдди попробовал закричать, но издал лишь слабый хрип. Он попытался выкрикнуть «Эй!», но не вылетело ни звука.

Руки и ноги были на месте. Все остальное тоже было в порядке, за исключением пропавшего голоса. И чувствовал он себя замечательно. Он прошелся по кругу. Подпрыгнул. Ни капли боли. За последние десять лет Эдди забыл, что такое ходить и не вздрагивать от боли или сидеть и не мучиться болью в спине. Выглядел он точно так же, как утром, – коренастый, с широкой грудью старик, в кепке, шортах и коричневой форменной рубашке. Но теперь он был сама гибкость. Он был настолько гибок, что мог наклониться назад и дотронуться до лодыжек или поднятой ногой дотронуться до живота. Он принялся изучать свое тело, точно младенец, потрясенный своими новыми возможностями: гуттаперчевый человек, да и только.

А потом он побежал.

Ха-ха! Он бежал! Со времен войны – уже более шестидесяти лет – он по-настоящему ни разу не бегал. А теперь он бежал – сначала робко, а потом все быстрее и быстрее, во всю

силу, как когда-то в юности. Он бежал по променаду мимо рыболовного магазинчика (5 центов за наживку) и проката купальных костюмов (3 цента за прокат костюма). Он промчался мимо горки под названием «Дипси Дудл». Он бежал вдоль променада «Пирса Руби», а над ним высились необычайной красоты здания в мавританском стиле, со шпилями, минаретами, куполами. Он пронесся мимо «парижской карусели», с ее резными деревянными лошадками, зеркалами и шарманкой – новенькой, блестящей. А ведь только час назад он у себя в мастерской соскребал с нее ржавчину. Он пробежал мимо старого центра парка, где когда-то танцевали цыгане и располагались предсказатели судьбы. Эдди наклонился вперед и растопырил руки, точно превратился в планер. Он то и дело подпрыгивал, словно ребенок в надежде вот-вот взлететь. Со стороны это должно было казаться нелепым: седой работник техобслуживания в полном одиночестве изображает аэроплан. Но ведь в каждом взрослом мужчине независимо от возраста таится бегущий мальчик.

И вдруг Эдди остановился. Он услышал какой-то звук. Вернее, голос, тонкий голос, похоже вещавший в мегафон.

– Леди и джентльмены, а как вам нравится этот уродец? Вы когда-нибудь видели что-нибудь страшнее?

Эдди стоял возле пустой билетной кассы перед большим театром, надпись над которым гласила:

*Самые диковинные жители планеты. Представление на «Пирсе Руби».
Господи помилуй! Одни жирные! Другие тощие!
Полюбуйтесь на дикого человека!*

Представление. Выставка уродов. Рекламы и шумихи хоть отбавляй. Эдди вспомнил, как ее прикрыли лет пятьдесят назад, когда в моду вошел телевизор, и людям, чтобы распалить воображение, уже не надо было ходить на подобного рода шоу.

– Посмотрите на этого дикаря – каким недоразвитым он родился...

Эдди заглянул внутрь. Он когда-то повидал тут самых диковинных людей. Была там Веселая Джейн, которая весила пятьсот фунтов и лишь с помощью двух мужчин могла подняться по лестнице. Сестры-близнецы, сросшиеся в позвоночнике и игравшие на музыкальных инструментах. Были там и глотатели шпaga, и женщины с бородой, и два брата-индейца, у которых кожа была точно резиновая и висела на них как на вешалке.

Эдди, будучи ребенком, всегда жалел участников этих представлений. Их заставляли сидеть в кабинках или на сцене, иногда за решеткой, а зрители проходили мимо, смеясь и показывая пальцами. А зазывала рекламировал их «странности». Именно его голос Эдди сейчас и слышал.

– Только ужасный поворот судьбы мог довести человека до такого жалкого состояния! Из самых дальних краев мы доставили его вам на обозрение...

Эдди вошел в полутемный зал. Голос зазвучал громче:

– Это несчастное существо – плод извращения природы...

Голос доносился с дальнего края сцены.

– Только здесь, в «Самых диковинных жителях планеты», вы можете так близко...

Эдди отодвинул занавес.

– ...насладиться зрелищем самых необыч...

Голос зазывалы смолк. Эдди в изумлении шагнул назад.

На стуле в центре сцены в полном одиночестве сидел обнаженный по пояс, со свисающим дряблым животом, узкоплечий и сутулый, средних лет мужчина. Волосы его были коротко острижены, губы тонкие, лицо вытянутое и перекошенное. Эдди никогда бы не вспомнил, кто он такой, если бы не одна отличительная черта.

У него была синяя кожа.

– Привет, Эдвард, – сказал он. – Я уже давно тебя поджидаю.

Первый человек, которого Эдди встретил на небесах

– Не бойся... – сказал Синий Человек, медленно поднимаясь со стула. – Не бойся...

Голос его звучал успокаивающе, но Эдди смотрел на него с изумлением. Он этого человека едва знал. Почему он ему тут встретился? Так бывает, когда вдруг тебе ни с того ни с сего приснится едва знакомый человек, и утром ты просыпаешься со словами: «Ни за что не угадаешь, кого я видел во сне прошлой ночью».

– Чувствуешь сейчас себя, словно ты ребенок, правда?

Эдди кивнул.

– Это потому, что мы были с тобой знакомы, когда ты был ребенком. В начале всегда испытываешь те же ощущения.

В начале чего? – подумал Эдди.

Синий Человек приподнял голову. Его кожа нелепого серо-черничного цвета. Руки все в морщинах. Синий Человек вышел на улицу. Эдди – вслед за ним. На пирсе пусто. И на пляже тоже. Неужели и на всей планете пусто?

– Можешь мне ответить на один вопрос? – спросил Синий Человек.

Он указал на двугорбую деревянную «американскую горку» «Погонщик». Ее построили в двадцатых годах, до того, как появились колеса с низким трением, а это значило, что кабинки в те времена не могли быстро двигаться на поворотах. Иначе они соскочили бы с рельсов.

– «Погонщик» все еще самый скоростной аттракцион в мире?

Эдди посмотрел на старую, лязгающую машину, которую в их парке давным-давно снесли, и молча покачал головой. Нет.

– Эх, – вздохнул Синий Человек. – Я так и думал. Это здесь ничего не меняется. А сквозь облака, боюсь, ничего не разглядишь.

Где это здесь? – удивился Эдди.

Синий Человек улыбнулся, словно услышав его немой вопрос. Тронул Эдди за плечо. Эдди почувствовал такое пронизывающее тепло, какого не чувствовал никогда прежде. И его мысли вдруг начали выплескиваться фразами.

Как я умер?

– Несчастный случай, – ответил Синий Человек.

Сколько времени я уже мертв?

– Минуту. Час. Тысячу лет.

Где я?

Синий Человек вытянул губы и медленно повторил вопрос: «Где ты?» Он повернулся и поднял вверх руки. И тут же ожили, кряхтя, все старые аттракционы «Пирса Руби»: завертелось колесо обозрения, столкнулись на автодроме маленькие машины, вверх по горке пополз «Погонщик», а лошадки «парижской карусели» плавно поскакали под музыку шарманки. Впереди виднелся океан. Небо стало лимонным.

– А ты сам думаешь, где ты? – спросил Синий Человек. – Ты на небесах.

Нет! Эдди со всей силой замотал головой. *Нет!* Синего Человека это, похоже, позабавило.

– Нет? Не может такого быть, чтоб ты оказался на небесах? – спросил он. – Почему же? Потому, что ты находишься там, где вырос?

Эдди беззвучно выдавил:

– Да.

– А... – кивнул Синий Человек. – Ну, люди довольно часто ни во что не ставят место, в котором они родились. Но небеса могут быть там, где меньше всего ожидаешь. И они имеют множество ступеней. Для меня это вторая. А для тебя – первая.

Он повел Эдди через парк, мимо сигаретных киосков, ларьков с сосисками и всякой мелочью, где простофили, бывало, просаживали не один цент.

Небеса, подумал Эдди. Глупость какая-то. Большую часть своей взрослой жизни он пытался *выбраться* из «Пирса Руби». Это был парк развлечений, и только: там орали, обливались водой, тратили деньги на пустяки. Парк – благословенное место отдыха? Да такое и представить невозможно.

Эдди снова попробовал заговорить; на этот раз из груди его вырвался какой-то странный звук. Синий Человек обернулся:

– Голос к тебе еще вернется. Мы все через это проходим. У прибывших в наши края всегда пропадает голос. – Он улыбнулся. – Это помогает внимательнее слушать.

– Здесь, на небесах, ты встретишь пятерых людей, – неожиданно произнес Синий Человек. – Все мы, пятеро, были в твоей жизни не случайно. Ты, возможно, в свое время и не знал, для чего мы в ней были; так вот, небеса для того и существуют, чтобы ты об этом узнал. Чтобы понял, зачем ты жил на земле.

Эдди совершенно не понимал, о чем он говорил.

– Люди представляют себе небеса в виде райского сада, где все порхает в облаках, бездумно наслаждаются видами рек и гор. Но чего стоит красивый вид без душевного покоя?

Здесь ты получишь величайший дар Бога – понимание смысла прожитой тобой жизни. Объяснение пережитого тобой на земле. И душевный покой, к которому ты так стремился.

Эдди закашлялся, пытаясь вернуть голос. Ему надоело быть немым.

– Я, Эдвард, первый из тех, кого ты должен был встретить. Когда я умер, мою жизнь мне объяснили пятеро других людей, а потом я явился сюда, чтобы дожидаться тебя, чтобы рассказать тебе мою историю, которая станет частью твоей. Но будут и другие. Некоторых ты знал, а кого-то и не знал. Но все они пересекли твой жизненный путь. И изменили его навсегда.

Эдди изо всех сил пытался выдавить хоть звук.

– Что... – наконец-то вырвалось у него.

Его голос как будто пробивался сквозь скорлупу – точно новорожденный цыпленок.

– Что... убило...

Синий Человек терпеливо ждал.

– Что... тебя... убило?..

Синий Человек посмотрел на него с удивлением. И улыбнулся.

– Меня убил ты, – ответил он.

Сегодня у Эдди день рождения

Эдди исполнилось семь, и ему подарили новый бейсбольный мяч. Эдди сжимает его в одной руке, потом в другой, каждым мускулом ощущая прилив сил. Он воображает себя одним из героев на коллекционных бейсбольных карточках, например знаменитым питчером Уолтером Джонсоном.

– Давай бросай! – говорит ему брат Джо.

Они бегут по главной аллее мимо аттракциона, где, сбив три зеленых бутылки, можно получить кокосовый орех и соломинку.

– Брось ты, Эдди, – говорит Джо. – Надо делиться.

Эдди останавливается и воображает, что он на стадионе. Он бросает мяч. Его брат Джо прижимает к бокам локти и приседает.

– Слишком сильно! – орет Джо.

– Мой мяч! – вопит Эдди. – Черт тебя возьми, Джо!..

Эдди видит, как мяч с гулким стуком катится по променаду, наталкивается на столб и отскакивает на маленькую лужайку за брезентовой палаткой, где идут представления. Он бежит за мячом. За ним несется Джо. Они падают на землю.

– Видишь его? – спрашивает Эдди.

– Угу-у.

Тут палатка с шумом распахивается, и Эдди с Джо отводят взгляд от земли. Перед ними до безобразия толстая женщина и голый по пояс мужчина, весь покрытый рыжеватыми волосами. Уроды из шоу уродов.

Дети в страхе замирают.

– И штой-то вы тут, умники, делаете? – с усмешкой спрашивает волосатый. – Ищете неприятности?

У Джо начинают дрожать губы. Он плачет. И тут же, вскочив с земли, улепetyивает со всех ног, дико размахивая руками. Эдди тоже поднимается с земли и вдруг возле козел для пилки дров видит свой мяч. Не сводя глаз с волосатого, Эдди медленно движется к мячу.

– Это мой, – бормочет он.

Хватает мяч и несется прочь вслед за братом.

– Послушайте, вы, – скрипуче выдавил Эдди. – Я вас не убивал, понятно? Я вообще вас не знаю.

Синий Человек сел на скамейку. Дружелюбно улыбнулся, словно для того, чтобы гость почувствовал себя уютно. Эдди же продолжал стоять – напряженно, точно обороняясь.

– Прежде всего я скажу тебе свое настоящее имя. Я родился в маленькой польской деревне, в семье портного, и меня окрестили Йозефом Корвельчиком. Мы приехали в Америку в 1894 году. Я тогда был совсем ребенком. Первое, что я помню: мать держит меня над перилами палубы нашего корабля и раскачивает на ветру нового мира.

У нас, как у большинства иммигрантов, не было денег. Мы спали на матрасе на кухне у моего дяди. Моему отцу оставалось лишь одно – пойти на работу в «потогонную мастерскую» – пришивать на пальто пуговицы. Когда мне исполнилось десять, он забрал меня из школы, чтобы я работал вместе с ним.

Эдди всмотрелся в рябое лицо, тонкие губы и впалую грудь Синего Человека и подумал: *Зачем он мне все это говорит?*

– Я от природы был нервным ребенком, а от шума в мастерской мне совсем стало тяжело. Слишком молод я был для такого места: кругом взрослые мужчины без конца ругаются, всем недовольны.

Стоило только мастеру приблизиться ко мне, как отец начинал шептать: «Опусти голову. Не надо, чтобы он тебя замечал». Но вот однажды я споткнулся, уронил мешок с пуговицами, и они рассыпались по полу. Мастер заорал, что я ничтожество, никчемный ребенок и чтобы я убирался. Я до сих пор помню ту минуту: отец, как уличный попрошайка, молит мастера не выгонять меня, а тот ухмыляется и тыльной стороной ладони вытирает нос. У меня в животе все заныло от боли. И тут я почувствовал, что по ногам моим что-то потекло. Я посмотрел вниз и вдруг увидел, что мастер тычет пальцем в мои мокрые штаны и хохочет. И рабочие тоже захохотали вслед за ним.

С того дня отец перестал со мной разговаривать. Он считал, что я его опозорил, и, наверное, в том мире, где он жил, так оно и было. Но отцы иногда разрушают жизнь своих сыновей, и моя жизнь была после этого разрушена. Из нервного ребенка я превратился в нервного молодого человека. И даже хуже – я по ночам все еще мочился в постель. По утрам я тайком пробирался к раковине и стирал свою простыню. Однажды утром отец застал меня за стиркой.

Он увидел мокрую простыню, и глаза его сверкнули – он одарил меня таким взглядом, которого я никогда не забуду. Отец точно хотел отречься от меня раз и навсегда.

Синий Человек замолк. Его кожа, которую будто вымочили в синьке, складочками жира свисала на животе. Эдди не мог отвести от него взгляда.

– Я не всегда был уродом, Эдвард, – сказал он. – Но в те времена медицина была примитивной. Я пошел к аптекарю попросить что-нибудь от нервов, и он дал мне бутылку с нитратом серебра и велел размешивать его в воде и принимать каждый день на ночь. Нитрат серебра. Позднее он стал считаться ядом. Но у меня тогда ничего другого не было, и, когда это средство не помогло, я решил, что я мало его принимаю. И я стал принимать больше. Я глотал по две, а иногда и по три ложки, и без всякой воды.

Скоро люди стали на меня как-то странно поглядывать. Моя кожа становилась пепельной.

Я стал стыдиться самого себя и еще сильнее нервничать. И стал еще больше принимать нитрата серебра, пока моя кожа из пепельной не превратилась в синюю – так на нее действовал этот яд.

Синий Человек умолк. А потом заговорил снова, совсем тихо:

– С фабрики меня уволили. Мастер сказал, что я своим видом пугаю рабочих. А без работы как прокормиться? Где и на что жить?

Я нашел один салун, а в нем – укромное местечко, где можно было спрятаться за пальто и шляпами. Как-то вечером группа мужчин из передвижного цирка сидела в задней комнате салуна. Они курили сигары. Смеялись. А один из них, коренастый парень с деревянной ногой, все поглядывал на меня. И наконец подошел поговорить.

К концу вечера я согласился вступить в их труппу. И с тех пор я превратился в некий товар.

Взгляд Синего Человека вдруг стал каким-то отсутствующим. Эдди часто думал: откуда набирают всех этих людей для представлений? Он догадывался, что у каждого есть своя грустная история.

– Люди из труппы, Эдвард, каждый раз придумывали мне новые имена. То я был Синий Человек с Северного полюса, то Синий Человек из Алжира, то Синий Человек из Новой Зеландии. Я, конечно, никогда в этих краях не бывал, но приятно было, что мой вид считают экзотическим, что мое изображение красуется на афише. Представление было совсем простое. Я сижу на сцене, полуодетый, мимо проходят зрители, а зазывала объясняет им, какой я жалкий. И за это мне перепали кое-какие деньги. Хозяин как-то назвал меня самым лучшим уродом в труппе, и, как ни грустно, я этим гордился. Отбросы общества ценят даже такие подачки.

Однажды зимой я приехал на этот пирс. Здесь начиналось представление под названием «Диковинные люди». И я подумал, хорошо бы тут пожить и не таскаться больше с цирком на телегах по ухабистым дорогам.

И пирс стал моим домом. Я жил в комнатке над колбасной лавкой. По вечерам я играл в карты с другими участниками представления и с жестянщиками; иногда даже с твоим отцом. Ранним утром, надев длинную рубашку и прикрыв голову полотенцем, я мог, никого не пугая, погулять по берегу. Для других это, возможно, и пустяк, но для меня это было воплощением свободы, которой я в своей жизни почти не знал.

Он смолк. Посмотрел на Эдди.

– Теперь ты понимаешь, почему мы с тобой здесь? Это не *твои* небеса. Это мои небеса.

Одно и то же событие можно оценить по-разному.

Представьте себе дождливое июльское воскресное утро в конце двадцатых годов. Эдди играет с друзьями: они перебрасывают друг другу бейсбольный мяч, который Эдди подарили на день рождения год назад. Мяч взлетает вверх, парит у него над головой и приземляется на улице. Эдди, в рыжевато-коричневых штанах и шерстяной кепке, бежит за мячом прямо под

колеса автомобиля – «форда» модели «А». Автомобиль с диким визгом тормозов отклоняется в сторону и в последнюю секунду проносится мимо. Эдди вздрагивает, глубоко вздыхает, хватается мяч и мчится назад, к друзьям. Поиграв еще немного, они бегут к галерее игровых автоматов попытать счастья в «Копателе», автомате с «когтями», загребающими маленькие игрушки.

А теперь взглянем на эту историю под другим углом. За рулем «форда» модели «А» сидит человек, который одолжил эту машину у приятеля, чтобы потренироваться в вождении. Из-за утреннего дождя дорога мокрая. И вдруг перед ним прямо на дороге скачет бейсбольный мяч, и за ним бежит мальчишка. Водитель жмет на тормоза, выкручивает руль. Машину заносит, шины скрежещут об асфальт.

Человек кое-как выравнивает машину – модель «А» продолжает путь. В зеркало водитель видит убегающего мальчишку. Водителя всего трясет при одной мысли о том, что он мог убить ребенка. выброс адреналина, и сердце начинает колотиться как бешеное, а сердце его не самое здоровое; внезапно он чувствует страшную усталость. Он ощущает головокружение, голова его клонится на грудь, автомобиль чуть не врежется в идущую рядом с ним машину. Ее водитель сигналит, и человек снова выравнивает курс и жмет на тормоза. Его машина проскальзывает вперед, и ее заносит на соседнюю улочку. Она скользит и скользит по асфальту, пока не врежется в оставленный на стоянке грузовик. Шум от удара не очень громок. Фары разбиты вдребезги. Водитель падает лицом на руль. Лоб его кровоточит. Он вылезает из машины посмотреть, сильно ли она разбита, и тут же, потеряв сознание, падает на мокрый асфальт. Рука его дрожит, а в груди сильная боль.

На дворе воскресное утро. Переулок пуст. Прижатый к борту машины, водитель лежит на земле, никем не замеченный. Кровь из коронарных артерий больше не поступает в сердце.

Через несколько часов его находит полицейский. Врач подтверждает факт смерти. В графу «Причина смерти» записывают: «Сердечный приступ». Родственники усопшего неизвестны.

Взгляните на одно и то же событие с двух разных точек зрения. Один и тот же день, одно и то же время, но для одного человека, маленького мальчика в рыжевато-коричневых штанах, история кончается удачно – в галерее игровых автоматов, где он бросает монетки в «Копателя», а для другого она завершается совсем плохо – в городском морге. Там один работник подзывает другого и с изумлением указывает на синюю кожу вновь прибывшего.

– Ну теперь ты понял, малыш? – шепчет Синий Человек, закончив рассказ.

Эдди начинает дрожать.

– Не может быть, – шепчет он.

Сегодня у Эдди день рождения

Ему восемь лет. Он сидит на краю клетчатого дивана, в гневе скрестив руки на груди. Мать присела у его ног и завязывает ему шнурки. Отец стоит перед зеркалом и поправляет галстук.

– Я не ХОЧУ идти, – заявляет Эдди.

– Знаю, – говорит мать, не поднимая глаз. – Но мы должны идти. Порой в жизни происходят грустные события, и тогда приходится делать то, что положено.

– Но сегодня мой ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ!

Эдди скорбно смотрит на конструктор в углу комнаты – кучку игрушечных металлических переключателей и три маленькие шины. Эдди мастерит грузовик. Он хорошо умеет конструировать. Он надеялся показать грузовик друзьям на дне рождения. А вместо этого надо куда-то идти, да еще таким нарядным. Это несправедливо, думает Эдди. Его брат Джо, в шерстяных брюках и галстуке-бабочке, заходит в комнату; на его левой руке бейсбольная перчатка. Он хлопывает по ней рукой и строит рожи Эдди.

- На тебе мои старые ботинки, – дразнит он. – Мои новые намного лучше.*
- Эдди морищится. Он терпеть не может обноски своего брата.*
- Перестань вертеться, – говорит мать.*
- Мне в них БОЛЬНО! – ноет Эдди.*
- Хватит! – кричит отец и сердито смотрит на Эдди. Эдди умолкает.*

На кладбище Эдди с трудом узнает своих знакомых с «Пирса». На каждом из тех, кто обычно облачен в золотую парчу и красный тюрбан, сейчас черный костюм, точно такой же, как на его отце. А все женщины в одинаковых черных платьях; у некоторых лица прикрыты вуалями.

Эдди следит за человеком, роющим лопатой в земле яму. Человек говорит что-то о пепле. Эдди держится за руку матери и жмурится от солнца. Он знает, что ему сейчас положено быть грустным, но тайно считает от одного до тысячи, надеясь, что, когда досчитает до конца, снова наступит его день рождения.

Первый урок

– Сэр, пожалуйста... – взмолился Эдди, – я не знал. Поверьте мне... Господи, помоги мне! Я не знал.

Синий Человек кивнул:

– Ты и не мог этого знать. Ты был слишком маленький.

Эдди сделал шаг назад. Он весь напрягся, словно готовясь к драке.

– И теперь я должен расплачиваться, – сказал он.

– Расплачиваться?

– За свой грех. Поэтому я сюда и попал, правда? Это возмездие?

Синий Человек улыбнулся:

– Нет, Эдвард, ты попал сюда, чтобы я мог тебя чему-то научить. Все, кого ты здесь встретишь, чему-то тебя научат.

Эдди, все еще не разжимая кулаков, с недоверием посмотрел на Синего Человека:

– Чему научат?

– Тому, что в жизни ничто не случайно. И тому, что мы все друг с другом связаны. И тому, что одну жизнь невозможно отделить от другой, как бриз от ветра.

Эдди замотал головой.

– Мы просто бросали мяч. Это была полная глупость, *моя* глупость – бежать за ним на дорогу. Почему из-за *меня* должны были умереть *вы*? Это *несправедливо*.

– Справедливость, – произнес Синий Человек и простер вверх руку, – не правит жизнью и смертью. Если б она правила, то ни один хороший человек не умер бы молодым.

Он повернул руку ладонью вверх, и они вдруг оказались на кладбище, позади маленькой группы людей, пришедших на похороны. Рядом с могилой стоял священник и читал что-то из Библии. Эдди не видны были лица – только спины: платья, костюмы, шляпы.

– Это мои похороны, – сказал Синий Человек. – Посмотри на пришедших проводить меня в последний путь. С некоторыми я был едва знаком, и все же они пришли. Почему? Ты когда-нибудь задавал себе этот вопрос? Почему люди собираются вместе, когда кто-то умирает? Почему люди считают, что они *должны* это сделать? Потому, что в глубине души они чувствуют: все жизни взаимосвязаны. Смерть, забирая одного из нас, оставляет в живых кого-то другого, и за короткий промежуток времени между той минутой, когда она оставила тебя в живых, и той минутой, когда она тебя забрала, жизнь твоя меняется.

Ты считаешь, что должен был умереть вместо меня. Но пока я жил на земле, немало людей умерло вместо меня. И это происходит каждый день. То молния ударит в то место, где только что стоял ты, то разобьется самолет, в котором должен был лететь ты. Кто-то из знакомых тяжело заболел, а ты нет. Мы думаем, что это все случайность. Но на самом деле все в жизни уравновешено. Один увядает, другой расцветает. Рождение и смерть – части одного целого. Поэтому нас так тянет к младенцам... – Синий Человек повернулся лицом к стоящим возле могилы, – и на похороны.

Эдди посмотрел на собравшихся вокруг могилы людей и подумал: а были ли у него похороны? И если были, пришел ли хоть кто-нибудь? Священник все еще читал отрывок из Библии, а стоявшие рядом с ним, склонив головы, слушали. День похорон Синего Человека – столько воды утекло с тех пор. И Эдди был там – мальчишка, всю церемонию крутившийся, переминавшийся с ноги на ногу и понятия не имевший, какую роль он сыграл во всей этой истории.

– Я так и не понимаю, – прошептал Эдди, – что хорошего принесла твоя смерть.

– Хотя бы то, что ты остался жив, – ответил Синий Человек.

– Но мы едва знали друг друга. А могли и вовсе быть незнакомцами.

Синий Человек обнял Эдди за плечи, и он вдруг почувствовал, что внутри у него как-то потеплело.

– С незнакомцами тебе еще предстоит породниться, – заметил Синий Человек.

С этими словами Синий Человек притянул к себе Эдди. И он мгновенно почувствовал, как все, что когда-либо испытал Синий Человек, перелилось в него: одиночество, стыд, нервозность, сердечный приступ. Перелилось и так там и осталось, будто в захлопнувшемся ящике.

– Мне пора, – шепнул ему на ухо Синий Человек. – Мое дело на этой ступени небес закончено. Но ты еще встретишь других.

– Подожди! – крикнул Эдди, бросаясь за ним вдогонку. – Ответь мне только на один вопрос. Я спас ту маленькую девочку? На пирсе. Я спас ее?

Синий Человек ничего не ответил. Эдди съежился.

– Значит, моя смерть была такой же бесполезной, как и моя жизнь.

– Ни одна жизнь не бесполезна, – проговорил Синий Человек. – Бесполезно лишь тратить время на раздумья о том, как все мы одиноки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.